

На правах рукописи

Сафин Факил Миннемхамитович

Художественный мир поэзии Кадыйра Сибгатуллина

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре татарской литературы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Галимуллин Фоат Галимуллович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Хисамов Нурмухаммет Шагвалеевич

кандидат филологических наук
Гиляева Ильзира Ильясовна

Ведущая организация: Елабужский государственный
педагогический университет

Защита состоится ... мая 2007 г. в ... часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете им.В.И.Ульянова–Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул.Кремлевская, 18, корп.2, ауд.1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова–Ленина

Автореферат разослан «....» 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор: Загидуллина Д.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Демократические перемены, происходящие в последние годы в татарском литературоведении, выдвигают на повестку дня необходимость более углубленного изучения истории татарской литературы, переосмысления литературного наследия. На этой волне возрос интерес как к творчеству незаслуженно забытых или оставшихся без внимания художников слова, так и к изучению «духа литературных эпох». Очевидно, что объективная оценка литературного процесса предполагает изучение наследия всех авторов, причастных в той или иной степени к литературной жизни исследуемого периода.

«История литературы занята материалом, который по своей природе находится в постоянном становлении, переходе, движении»¹. Динамику обеспечивает и обращение к малоизученному литературному материалу, ибо обогащение истории национальной литературы монографическими исследованиями творчества поэтов и писателей позволяет не только выявить особенностей письма художника, определить его роль и место в истории литературы определенного периода, но и с новых позиций оценить литературный процесс эпохи, особенности развития национального искусства слова.

В истории татарской литературы есть личности, чье творчество для литературоведения оставалось в тени художников «первого ряда», но в то же время сыграло значительную роль в развитии литературного процесса. Среди поэтов 1960–90-х гг. такой фигурой является Кадыр Сибгатуллин — Сибгатуллин Минкадыр Идиятович (1942–1994), автор многих стихотворных сборников, мастер не только лирических, но лиро-эпических произведений. Его судьба характерна для той части татарской интеллигенции, которая стремилась самоопределиться в условиях советской идеологии и сохранить национальную самобытность в мышлении. Монографическое изучение его творчества, анализ стихов и поэм, лирических и лиро-эпических циклов имеет большую значимость и как дань уважения талантливому поэту, и для оценки татарской поэзии 1960–90-х гг. в целом.

Таким образом, **актуальность** настоящей работы обуславливается, во-первых, недостаточной изученностью творческого пути К.Сибгатуллина, во-вторых, научной потребностью выявления особенностей художественного мира его поэзии, изучения жанровой и образной систем сибгатуллинской лирики; и в-третьих, необходимостью уяснения места яркой творческой индивидуальности в литературном процессе второй половины XX века.

Понятие «художественный мир» используется нами для оценочной характеристики поэзии К.Сибгатуллина. Мы исходим из того, что

¹ Михайлов А.В. Методы и стили литературы /А.В.Михайлов // Теория литературы. Т.1: Литература.– М.: ИМЛИ А.М.Горького РАН, 2005.– С.142.

художественный мир возникает как вследствие особых, поэтических законов, и читатель, воспринимая произведение искусства, «переходит на точку зрения, являющуюся моментом поэтического мира»². Художественность означает целостность произведения искусства, представляет от понимания и восприятия его как значимого целого. Она нацелена на выявление специфики и ценностных качеств произведений.

Говоря о художественном мире, мы имеем в виду фундаментальные факторы системообразования в художественном произведении. Это постижение художественной концепции автора, смысловых интенций во всех ее проявлениях и модификациях; осмысление отношения части и целого, где частью выступают жанровые, образные, поэтические особенности, а целым — творчество изучаемого нами поэта. Исходя из вышеизложенного, мы констатируем следующее.

Объектом исследования выступает художественный мир поэтических произведений Кадыра Сибгатуллина.

Предметом стало поэтическое наследие поэта: его стихотворения, лирические и эпические циклы, поэмы, документы и письма.

Целью настоящей работы является целостное изучение художественного мира поэзии К.Сибгатуллина, анализ жанровой и образной системы, поэтических особенностей.

Для достижения намеченной цели поставлены следующие *задачи*:

—изучение жизненного и творческого пути К.Сибгатуллина на основании документальных источников, воспоминаний современников, родных;

—выявление, сбор и систематизация поэтических произведений, созданных в 1960–1990 гг.;

—определение системообразующих элементов художественного мира поэта;

—исследование мировоззренческих основ поэзии Сибгатуллина;

—построение жанровой типологии его поэзии;

—изучение образной системы и особенностей поэтики;

—анализ характерных черт творческой индивидуальности поэта в контексте татарской поэзии 1960–90 х гг., роли ее творчества в развитии татарской поэзии во второй половине XX века.

Состояние изученности проблемы и темы. В контексте осмысления поставленной проблемы можно выделяются два направления: 1) материалы о татарской поэзии 1960–90–х в целом; 2) материалы о поэзии К.Сибгатуллина критико–публицистического, научного характера.

К исследованиям *первого направления* следует отнести материалы обобщающего характера, представленные в 6–ом томе шеститомной истории

² Федоров В.В. Поэтический мир / В.В.Федоров // Теория литературы. Том 1: Литература.– М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2005.– С.32.

татарской литературы³. В историко–культурном аспекте татарская поэзия второй половины XX века отслеживается в трудах Т.Н.Галиуллина⁴. Комплексное исследование творчества поэтов этого времени характерно для научных изысканий Н.Г.Юзиева, Н.Хисамова, Г.Гильманова, Ф.Зулькарнаева, Ф.Урманчеева⁵ и ряда других ученых. Творчество некоторых поэтов «шестидесятников», к которым принадлежит и К.Сибгатуллин, изучена монографически⁶. На страницах периодической печати, в научных сборниках регулярно печатаются статьи научного и критического характера.

Таким образом, можно констатировать, что татарская поэзия 1960–90 х гг. изучено достаточно подробно, но в общих обзорах творчество К.Сибгатуллина специально не анализируется, если и упоминается, то вскользь.

Материалы *второго направления*, связанного с нашей темой, можно разделить на несколько групп. **Первая** из них представлена библиографическими указателями⁷, в которых вкратце излагается жизненный и творческий путь К.Сибгатуллина.

Во **вторую группу** можно отнести внутренние рецензии, критические статьи, заметки, написанные в 1970–80 е гг. на поэтические сборники автора.

³ Галиуллин Т.Н. Поэзия / Т.Н.Галиуллин // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда.— Т.6: 60–90 еллар әдәбияты.— Казан: Раннур нәшр., 2001.— 217–263 бб.

⁴ Галиуллин Т.Н. Илһам чишмәләре: Монография / Т.Н.Галиуллин. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1988. – 365 б.; Галиуллин Т.Н. Шагыйрьләр һәм шигърьләр / Т.Н.Галиуллин. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1985. – 208 б.; Галиуллин Т.Н. Шигърият баскычлары / Т.Н.Галиуллин. – Казан: Мәгариф, 2002. – 321 б. и др.

⁵ Юзиев Н. Шигърият дөнъясы: Тәнкыйть мәкаләләре / Н.Юзиев.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1981.— 165 б.; Юзиев Н.Г. Сәнгатьчә матурлык һәм осталык / Н.Г.Юзиев.— Казан: Тат.кит.нәшр, 1995. –233 б.; Юзиев Н. Хәзерге татар поэтикасы / Н.Юзиев.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1973.— 352 б.; Хисамов Н.Ш.Хәтер сагында / Н.Ш.Хисамов.— Казан: Мәгариф, 2004.— 640 б.; Гыйльман Г. Заман сүз сорый / Г.Гыйльман.— Казан: Татар.кит.нәшр., 1991.— 207 б.; Зөлкарнәев Ф. Чакма чакмый ут чыкмый / Ф.Зөлкарнәев.— Казан: Татар.кит.нәшр., 1991.— 183 б.; Урманчиев Ф. Дастаннарга лаек замана / Ф.Урманчиев.— Казан: Татар.кит.нәшр., 1990.— 220 б. һ.б.

⁶ Даутов А.И. Илдар Юзеев шигъриятендә романтизм / А.И.Даутов.— Казан: «Интелпресс» нәшр., 2002.— 152 б.; Гилаева И.И. Гамилъ Афзал: лирика и сатира (авторская позиция и художественность: Автореф. дис. ... канд.филол.наук / И.И.Гилаева; КГУ им. В.И.Ульянова–Ленина, 2004.— 22 с.; Урманче Ф. Борынгы миф һәм бүгенге шигърь: Татарстанның халык шагыйре Равил Фәйзуллин шигъриятенә бер караш / Ф.Урманче.— Казан: РИЦ «Школа», 2002.— 260 б.; Хузина М.К. Поэтический мир Равиля Файзуллина: Автореф дис. ... канд.филол.наук / М.К.Хузина; КГУ им. В.И.Ульянова–Ленина, 2005.— 23 с.; Хәйбрахманов Р. Наһар Нәжми шигъриятә (стиль, дәвер һәм шәхес концепциясе) / Р.Хәйбрахманов.— Казан: Гуманитария, 2004.— 160 б.; Сәйфуллина Ф.С. Шигъри сүзнен сихри көче (шагыйрә С.Сөләйманова иҗаты) / Ф.С.Сәйфуллина.— Тобольск, 2001.— 208 б.; Хасанова Ф.Ф. Поэтика текстов Рената Хариса (лингвистическая поэтика) : Автореф дис. ... канд.филол.наук / Ф.Ф.Хасанова; КГПУ.— Казань, 2000.—35 с. и др.

⁷ Даутов Р.Н., Нуруллина Н.Б. Совет Татарстаны язучылары: Биобиблиографик белешмә / Р.Н.Даутов, Н.Б.Нуруллина.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1986.— 418 б.; Татарский энциклопедический словарь.— Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998.— С. 516; Кадыр Сибгатка 50 яшь //Казан утлары.— 1992.— № 2.— 175 б.

Многие соратники по перу называют К.Сибгатуллина мастером слова, получившим напутствие от признанного лидера татарской поэзии Х.Туфана, который еще в 1970 году обратил внимание на творчество молодого дарования: «У Кадыйра есть отличительная от других черта: он владеет точным, умным, резким, афористическим родным языком. Его своеобразное лирическое сердце подсоединено с природой родного края, с духовным состоянием земляков»⁸. В 1973 году аксакал татарской поэзии восторженно восклицает: «С первых строк возникает радостная мысль: «Вот это поэт, поэт от бога!», и уподобляет его и поэзию творчеству Равиля Файзуллина»⁹.

Наиболее полное освещение творческого пути К.Сибгатуллина дается в рецензии Т. Галиуллина на его рукопись «Гомерем дулкыннары». Автор называет К.Сибгатуллина поэтом, «заставившем свою мелодию звучать в рамках традиционной формы». Критик обращает внимание на его поэмы, «Разговор с Туфаном» («Туфан белэн сөйләшү») оценивает как «удачный образец понимания Туфана как личности и поэта»¹⁰.

В рецензии В. Рахматуллиной на сборник «Әманәт» стихи Кадыйра Сибгатуллина рассматриваются с позиций анализа его лирического героя, автор выделяет его удачные произведения, называя автора «поэтом, ищущим истину»¹¹. В рецензии Х. Зарипова оцениваются два его сборника («Әманәт», «Гамь») и отмечается тематическая типология творчества поэта. Родная земля, родина, верность заветам старшего поколения, забота о народе — выделяются как основные темы в творчестве поэта¹². В рецензии М.Магдеева определяются темы трагедии семей военных лет, родины, родного края, войны. В статье с литературоведческой точки зрения подчеркивается новаторство К.Сибгатуллина в области техники стиха. По мнению автора, в стихосложении К.Сибгатуллин «продолжает и развивает традиции баитов и дастанов»¹³. Тематическая типология творчества нашло отражение и в рецензии Р.Гарипова: любовь к родной земле, любовь, труд, молодость, дружба¹⁴. В рецензиях Н.Акмала примечательна попытка определения места К.Сибгатуллина в поэзии шестидесятников. Автор ставит поэта в один ряд с Р.Файзуллиным, Р.Харисом, Зульфатом, М.Аглямовым¹⁵.

⁸ Туфан Х. Шигърият офыгы киңә / Х.Туфан // Социалистик Татарстан.— 1973.— 4 март.

⁹ Туфан Х. Кадыйр Сибгатуллин / Х.Туфан // Казан утлары.— 1979.— № 4.— 185–186 бб.

¹⁰ Галиуллин Т. «Гомерем дулкыннары» исемле кулъязмасы турында / Т.Галиуллин // Мәйдан. — 2002.— № 2.— 164–166 бб.

¹¹ Рәхмәтуллина В. Чишмә суын уртлагач... / В.Рәхмәтуллина // Казан утлары.— 1976.— № 1.— 165 б.

¹² Зарипов Х. Әманәткә тугрылык / Х.Зарипов // Социалистик Татарстан.— 1976.— 16 май.

¹³ Мәһдиев М. «Әманәт» китабына рецензия / М.Мәһдиев // Мәйдан.— 2002.— № 2.— 158–159 бб.

¹⁴ Гарипов Р. Башланган жыр дәвам итсен / Р.Гарипов // Мәйдан.— 2002.— № 2.— 38–39 бб.

¹⁵ Акмалов Н. Иркән болыннардан — тыгыз тормышка: Шагыйрь Кадыйр Сибгатуллин ижаты / Н.Акмалов // Идел: Яшьләр әдәби альманахы.— 1979.— № 11.— 93–96 бб.; Акмал Н. Язмыш тугайлары боргаланып беткән... / Н.Акмал // Мәйдан. — 2002. - №2. - 43–45 бб.

Среди рецензий выделяется критическая статья Мансура Валиева, написанная в форме открытого письма поэту. В ней предпринята попытка оценки нескольких сборников поэта. Автор разделяет его творчество на два этапа: т.н. деревенский период и Челнинский период. В работе освещается творческий путь поэта, делается попытка установления новизны и эстетической ценности его произведений¹⁶. Высоко оценивая первые сборники поэта, критик отмечает, что начиная со второго сборника («Гамь») у поэта появляются стихи, написанные «не от сердца». По мнению М.Валиева, «много легких мелодий», «не хватает настоящей поэзии, художественной глубины», «творческая философия не раскрывается в полную силу» и т.д.

Вместе с тем, М.Валиев подчеркивает, что К.Сибгатуллин — талант с большой буквы, в его творчестве присутствует «печаль, присущая творчеству Тукая, Такташа, Туфана».

В статьях писателей – соратников по перу — также отмечается серьезный вклад поэта в развитие лирического жанра, самобытность его произведений. Так, поэт М.Шабает указывает, что «Кадыр Сибгатуллин является представителем шестидесятников, и находится в этой «обойме где-то на третьем–четвертом месте»¹⁷, и проводит тематическую типологию, выделяя такие темы, как родная деревня, война, философия, любовь, город.

К **третьей** группе материалов относятся статьи, написанные по случаю юбилеев поэта¹⁸, напутственные слова к сборникам стихов. В некоторых из них делаются попытки создания литературного портрета поэта, затрагиваются и особенности стиля, поэтики. Во вводных словах к поэтическим сборникам также рассматриваются некоторые аспекты творчества автора. Так, И.Юзеев отмечает такие качества поэта, как скромность; тематическую широту лиро–эпики; мастерство в изображении панорамных картин; способность возрождения традиционной формы¹⁹.

Таким образом, татарскими литературоведами и критиками освещались некоторые идейно-эстетические, тематические особенности лирических и лиро-эпических произведений К.Сибгатуллина, выявлялись средства художественной выразительности и определялось место поэта в истории татарской поэзии второй половины XX века. Они носили фрагментарный характер и до сих пор отсутствуют работы, посвященные системному и комплексному изучению его творчества. В литературоведении данная тема не была еще объектом самостоятельного научного исследования.

¹⁶ Валиев М. Авылыбыз юлын югалтсак / М.Валиев // Казан утлары.— 1982 — № 6.— 167–175 б.

¹⁷ Шабает М. Сөенә дә, көенә дә күнел: шагыйрь Кадыр Сибгатуллинның тууына 60 ел / М.Шабает // Казан утлары.— 2002.— № 2.— 105 б.

¹⁸ Ахметов И. Шагыйрь эманәте һәрвакыт истә: К.Сибгатуллинның тууына 60 ел / И.Ахметов // Шәһри Казан.— 2005.— 15 февраль; Әшрәфжанов Х. Шагыйрь китте — каралары китте / Х.Әшрәфжанов // Мәдәни жомга.— 2002.— 8 февраль; Дунай Ф. Югалмый торган жыр / Ф.Дунай // Татарстан хәбәрләре.— 1993.— 13 апрель һ.б.

¹⁹ Юзеев И. «Эманәт» китабына кереш сүз / И.Юзеев // Эманәт: шигырьләр.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1974.— 5–7 бб.

Научная новизна состоит в том, что поэзия К.Сибгатуллина впервые исследуется в качестве целостного и оригинального литературного явления в тесной взаимосвязи с идейно–философскими исканиями эпохи. В работе воссоздана целостная картина состояния творчества К.Сибгатуллина в контексте татарской поэзии данного периода, выявлены основные факторы и тенденции, закономерности и особенности развития его поэзии, определены особенности жанровой и образной систем.

Методология и методика исследования. Методологической основой является герменевтика – теория интерпретации смысла текстов. Определяющими методами стали сравнительно–исторический, историко–биографический, структурный, сравнительно–типологический и интерпретации.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых–литературоведов В.Е.Хализева, Б.О.Кормана, С.Н.Бройтман, М.М.Бахтина, Л.Я.Гинзбург, А.Б.Есина и др. В плане анализа лирических произведений, татарской поэзии были использованы работы татарских ученых Т.Н.Галиуллина, Н.Г.Юзиева, Н.Ш.Хисамова, Г.Гильманова, Ф.М.Хатипова и др. По истории татарской поэзии второй половины XX века использовались труды Т.Н.Галиуллина, Н.Г.Юзиева, М.Валиева и др.

Научная значимость состоит в том, что проведенное исследование дает основание принципиально изменить сложившуюся трактовку творческой индивидуальности К.Сибгатуллина, дифференцировать жанровое и художественное своеобразие, систему образов его поэзии, уточнять роль и место его творчества в татарской литературе.

Практическая значимость работы заключается в использовании ее результатов при разработке курса «История татарской литературы второй половины XX века», при подготовке учебных программ и учебно–методических пособий по литературному краеведению, в лекционных курсах и на семинарских занятиях соответствующей тематики. Вводимый в научный оборот эмпирический материал и сделанные на его основе выводы могут найти свое применение в качестве комментариев при подготовке последующих изданий произведений К.Сибгатуллина.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период творческой деятельности К.Сибгатуллина — с начала 1960 х до середины 1990 х г. Основной акцент в работе сделан на изучении лучших произведений поэта.

Апробация результатов работы. Результаты исследования отражены в 10 публикациях. Основные положения диссертации излагались на научно–практических конференциях (Наб.Челны, 2000), на вечерах, посвященном памяти К.Сибгатуллина (Наб.Челны, 1997), в выступлениях по телевидению и радио, начиная с 1997 года, соискатель непосредственно участвовал в подготовке и издании второго номера журнала «Майдан» за 2002 год, посвященного творчеству К.Сибгатуллина, где впервые были введены в оборот поэтические и публицистические произведения, материалы из личного архива поэта. Под редакторством соискателя вышел сборник его стихов «Әйтте

шагыйрь» («Сказал поэт», Казань, 2002) и сдан в печать сборник избранных произведений (в плане Татарского книжного издательства на 2007 год).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы, актуальность работы, научная новизна, методология и методы изучения, степень изученности проблемы, ставятся цели и задачи исследования.

В первой главе – **«Жизненный и творческий путь Кадыра Сибгатуллина»** — комплексно анализируется жизненная и творческая биография поэта. Глава начинается с обзора тех факторов, которые сыграли важную роль в формировании личности поэта: это и атмосфера послевоенных лет; ситуация в семье; и детские переживания и эмоции; природа, первая влюбленность; жизненные невзгоды и преграды на пути к творчеству. При этом использовались материалы из личного архива поэта, публицистика, письма и воспоминания и т.д. Уточнены и скорректированы многие факты биографии поэта.

Творчество поэта, по нашему мнению, можно разделить на несколько периодов. На раннем этапе творчества (1960-1966) сущность его поэзии определяют мотивы духовного взросления и милосердия, главными категориями выделяются сострадание, благодеяние, милосердие, вера, любовь к жизни, божественная природа любви. Во втором этапе (1966-1978) основной становится деревенская тематика, на фоне изображения тяжестей военных и послевоенных лихолетий автор воспекает величие человеческого духа. Третий, «городской» период творчества (1978-1987), отличается усилением романтических тенденций, прежде всего связанных с социальными обстоятельствами, такими, как строительство нового города, завода, индустриального развития страны и т.д. В эти годы К.Сибгатуллин много размышляет о судьбе татарской деревни, появляется мотив разлуки с родной деревней, которая выступает и в роли угрозы разрыва духовной связи между поколениями. В четвертом, наиболее зрелом этапе (1987-1994) проявляется гражданская позиция поэта как борца за демократию, представителя своей нации, выдвигается как национальная идея необходимость сохранения родного языка, достижений прошлого татарского народа, как общечеловеческая — нетленных достижений гуманизма.

Вторая глава **«Лирика Кадыра Сибгатуллина»** посвящена исследованию особенностей лирических произведений поэта.

Первый параграф *«Лирика, пронизанная философией»* анализирует проблему онтологического осмысления жизни в творчестве поэта. В начале

параграфа рассматривается вопрос о типологии лирических жанров в русском и татарском литературоведении. Обзор лирических произведений К.Сибгатуллина приводит к заключению, что пейзажная лирика в творчестве поэта практически отсутствует, незначительное место занимают стихотворения о любви. В его наследии доминирует философская и гражданская лирика, последняя форма тоже пропитана философским духом. Его поэзию правомерно назвать поэзией раздумий: «уйлану шигърияте». В его творчестве медитация о жизни и человеке стремится к эпическому охвату, в произведениях эпические образы и детали подчинены воссозданию жизненных ситуаций. Даже в лирических стихотворениях присутствуют признаки эпического рода, налицо «прозаическая образность», пластика деталей.

В татарском литературоведении такие стихотворения называют «поэзией разума» («акыл шигърияте») или «поэзией аналитического характера»²⁰. В них преобладают не чувства–переживания, а отношение к изображаемому.

В творчестве К.Сибгатуллина основная проблема бытия — временность, хрупкость человеческой жизни, рассматриваемая в разных аспектах. Посвященные этой проблеме стихотворения встречаются уже в первых сборниках поэта. Так, «Рождение» («Туу», 1968) основано на противостоянии смерти (уход отцов) и жизни (продолжение в сыновьях). Лирический герой как закон бытия закрепляет мысль о том, что продолжение рода побеждает смерть:

Һәр тузаны яши, һәр ташы,	Каждая пылинка, каждый камень дышет,
Урын юктыр монда үлемгә.	Нет здесь места смерти.
Яшел үлән булып — без булып	Как зеленая трава, в нас
этиләрем кайта бүгенгә ²¹ .	Отцы возвращаются к жизни.

(Подстрочн.перевод)

Философская лирика требует обобщенности на уровне художественного образа. В этом произведении лирическое я — представитель поколения, чьи отцы погибли на фронтах. И закон бытия воспринимается как истина, открытая поколением детей сурового военного времени.

В дальнейшем взгляды поэта на проблему жизни и смерти претерпевают изменения. В некоторых стихах смерть изображается как трагедия бытия. Известное стихотворение «Листья падают зелеными» («Яшел килеш яфрак коела», 1976) насквозь пропитано чувством сожаления: сожаления о том, что не кончаются войны, о том, что погибают молодые... Параллелизм «листья–молодые парни» доводит читателя до философского понимания смерти.

В стихотворении «Сказал бы человек» («Әйтер иде кеше», 1979) жизнь вырастает до символа счастья, а смерть становится разрушителем счастья. В то же время смерть — миг постижения истины жизни. В стихотворении «Вглядываясь в горизонт» («Офыкларга карап», 1980) говорится о том, что только тот дорожит жизнью, кто знает о хрупкости жизни! В нем время

²⁰ Юзиев Н. Татар шигъре: Тәнкыйть мәкаләләре / Н.Юзиев.— Казан: Татар.кит.нәшр., 1991.— 262 б.

²¹ Сибгатуллин К. Әманәт: Шигърылар /К. Сибгатуллин.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1974.— 32 б.

изображается в двух плоскостях: как человеческая жизнь, как история человечества. Человеческая жизнь (восход и закат) рассматривается как часть истории человечества, как миг в бесконечности этой истории.

Смерть предстает в стихотворении «Когда расширяется смысл» («Мәгнә киңәйгәндә», 1985) как понимание истины. В нем присутствуют эпические элементы: человек находится при смерти и просит принести ему полевой цветок. Вдруг он понимает, что цветок и есть Красота. В тот же миг появляется стремление к жизни: он оживает. Так выражается основная идея: жизнь прекрасна, красота способна победить смерть. Образ цветка устанавливает интертекстуальную связь с другими произведениями поэта: он воспринимается частицей родной земли, родины. В стихотворении присутствует осознание отдельной жизни как необходимого звена мировой жизни, бытия.

Многие стихотворения К.Сибгатуллина основаны на противостоянии жизни и смерти, в центре внимания поэта – человеческая жизнь в общем бытии человечества. Среди них есть стихи элегического плана, проникнутые пронзительной, мучительной непримиримостью жизни со смертью, старением. В отдельных стихах выражается философия реинкарнации, идея жизненного кругооборота. В ряде моментов мироощущение К.Сибгатуллина обнаруживает непреодолимую привязанность к эмпирическому миру.

Поиск смысла жизни, места человека в бытии занимает в поэзии Сибгатуллина большое место. В таких произведениях зачастую присутствует образ Силы. Сила означает судьбу, которая распоряжается жизнью человека по собственному усмотрению: кого–то бросает в пучину, кого–то незаслуженно приподнимает и т.д. («Кого–то годы приподнимают»/«Кемнәрнедер еллар үстерә», 1969; «Не победит мужчину...»/«Жиңә алмый ирне...», 1970 и т.д.).

С годами конкретизируется отношение поэта к жизни, появляется стремление к философскому осмыслению реальных социальных и нравственных противоречий современного общества. Так, в стихотворении «Болезнь жизни» («Тормыш чире», 1971) лирический герой причину нравственной несовершенности человека находит в «болезни общества»:

Бер елмайсам, шул да житә миңа, Хватает мне одной улыбки,
Тик елмаеп булмый кайвакыт. Но иногда невозможен смех.
Көтмәгәндә үзәгеңә үтә Неожиданно замучает человека
Тормыш чире сару кайнатып²² — Болезнь жизни, вызывая изжогу
(Подстр.перевод наш).

Есть оказывается лекарство от такой болезни: это улыбка. Жизненные невзгоды лишает людей радости, смеха. Но человек своей улыбкой способен преодолеть «вселенские страдания». В стихотворении проявляется оппозиция материального и духовного. Материальное начало подразумевает все косное, враждебное человеку, духовное — способность разделить человеческую

²² Сибгатуллин К. Авазлар: Шигырьләр /К. Сибгатуллин.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1981.—36 б.

радость. Согласно Сибгатуллину, именно духовное составляет суть всего живого.

Та же философия выражается и в других стихах поэта («Сказал, берегись...»/«Саклан, дидең...», 1983 и др.)

В системе ценностей Сибгатуллина человечность — высшая ступень. Во многих произведениях присутствует вопрос: что значит жить? Лирический герой отвечает: жить — остаться человеком, человеческим, верить людям («Вера»/«Ышану», 1985), не быть равнодушным, безразличным («Мир»/«Дөнья», 1978).

Законы жизни поэту напоминают игру. Так, в стихотворении «Игра» («Уен», 1984) лирический герой наблюдает, как играет его сын. В данной игре главное условие — не останавливаться («только не прекращай игру»), не соглашаться со своим поражением («Если побежден, плачь,/ не соглашайся»). Эти законы передаются из поколения в поколение, «...С этих игр начинает человек / путь жизни, борьбы». Похожая философия прослеживается в стихотворении «Борьба» («Көрәш», 1972).

Далее анализируются стихотворения К.Сибгатуллина, выражающие философию человека. В них выделяются многие свойства, присущие человеку. Стремление к высоте, умение мечтать, познать красоту — основные из них.

Неоднократно повторяющийся в ранних и поздних стихотворениях мотив болезненного одиночества рассматривается как полное отчуждение, гибель для человека. Так, в стихотворении «Одинокие» («Ялгызлар», 1983) участвуют эпические элементы: одинокий человек встречает кошку и приводит домой. Но утром не может найти свою гостью:

—И ялгызлык!	Он воскликнул: —О одиночество!
Кемгә сыенырга;	К кому обратиться,
Шул мәче дә ташлап киткән,— диде. Даже кошка ушла.	
...Ә мәчесе, куып чыгарыр дип,	...А кошка, испугавшись, что
	выгонят
бер почмакта посып ята иде ²³ .	Тихо лежала в углу.

(Подстр.перевод наш).

В этих строках чувствуется, что в одиночестве есть доля вины самого человека. Способность отдавать любовь определяется как один из путей преодоления одиночества.

В философской лирике К.Сибгатуллина, наряду с приоритетом общечеловеческих ценностей, обращает на себя внимание концепция человека, напоминающая средневековую концепцию «камиль инсан» (совершенного человека). «Именно негативные черты характера являются причиной жизненных неудач», восклицает поэт («Так умно я наблюдаю над другими...»/«И акыллы булып карап йөрим...», 1987). Среди них самая страшная — мелочность («Ходит в раздумьях...»/«Уйланьп йөри, фикерләп...»,

²³ Сибгатуллин К. Хыял: Шигырьләр һәм поэмалар / К. Сибгатуллин.— Казан: Тат.кит.нәшр., 1986.—27 б.

1986), стремление в своих неудачах обвинять других («Осуждение»/«Гаеп»). Зачастую поэт разделяет людей на два лагеря: обвиненных и обвиняющих («Всех людей разглядываю»/«Кешелэрнең барын танып йөрим», 1978; «Хөкемдар»/«Судья»).

Концептуальную нагрузку в его философских раздумьях несет вера («Вера»/«Иман»), доброжелательность («Хороший человек»/«Әйбәт кеше», 1992). Поэт подчеркивает разнородность людей, приходит к выводу, что «каждый смотрит на душу другого своими глазами, через свою душу».

В философской поэзии К.Сибгатуллина сильно обобщающее начало, изображение жизненных ситуаций переводится в разговор об основополагающих ценностях мира и человеческого сознания.

В последние годы его творчества, после 1992 года появляется тенденция поиска причин жизненных неудач не в самом человеке, а в обществе в целом, в советской идеологии. Так, в стихотворении «В какую сторону» («Кая таба..», 1992) общество называется «каменной эпохой»: люди стали холодными и равнодушными; природа и человек разобщены; люди забыли о доброте и взаимопомощи, восклицает поэт. Психологический параллелизм, появляющийся в последних строках (таш–кеше), усиливает безвыходность положения:

...Жылы ээлим.

Ищу тепла.

Битләремне куям

Лицом прикладываясь,

Кояш нуры сөңгән ташларга²⁴.

К камням, впитавшим лучи солнца.

(Подстр.перевод наш).

Далее автором анализируются многие стихотворения К.Сибгатуллина социально–философского плана и делается вывод о том, что философская лирика последних лет поэта показала нечеловеческую природу существовавших в обществе порядков.

Второй параграф «Эволюция духа в гражданской лирике» на материале анализа большого количества стихов дает обобщенную оценку гражданской лирике поэта. Основные мотивы группируются вокруг категории духа. Преемственность поколений, наследование твердости духа отцов становится для поэта критерием нравственности общества («Не говорите безотцовщина» / «Әтисезләр болар димәгез», «В моих полях марево» / «Кырларым күмелгән рәшәгә»). Не роптать, не сетовать, не подкачать перед страной и людьми, достичь своей цели — в этом, по мнению поэта–гражданина, проявляется твердость отцов. Быть милосердным — эта истина сильных духом матерей и бабушек («Спасибо, бабушка» / «Рәхмәт, әби»). Мать становится для поэта символом Родины, нации, символом продолжения жизни на земле («Твой единственный» / «Бердәнберен», «Материнская любовь» / «Ана мәхәббәте»). Так в гражданской лирике поэта формируется уважительное отношение к прошлому народа, к его традициям и обычаям. В некоторых стихах ислам, религия предков представляется знаком вековых традиций, народной мудрости

²⁴Сибгат К. Әйтте шагыйрь.... /К. Сибгат.— Казан: «Идел–Пресс» нәшр., 2002.— 172 б.

(«Площадь перед мечетью» / «Мәчет мәйданы», «Вера» / «Иман», «Молитва» / «Дога», и др.). В некоторых стихах (например, «Священная вера» / «Изге иман») лирический герой предстает в роли предводителя народа, зовущего на путь истинный.

Основным мотивом гражданской лирики поэта является мотив борьбы: борьбы за веру, за мир, за родину. Но самая главная — борьба за душу человека. Поэт человеческую жизнь представляет в виде борьбы и констатирует, что борьба должна быть честной («Борьба» / «Көрәш»). Дискутируя с канадской поэтессой Риной Ланье о том, «Нужны ли сильному слабые», К.Сибгатуллин заявляет, что только помогая слабым, можно почувствовать свою силу («Своей слабостью...»/«Көчсезлеген белән...»). В 90-е годы общественные потрясения, борьба наций за свободу и демократию ему напоминают борьбу на спортивных аренах («Татарская борьба» / «Татар көрәше»):

Көрәшкән дә булды, егылдык та,	И боролись и падали,
һәм ышандык бүген:	Но сегодня стало ясно одно:
аяк чалып екканнар бит безне —	Нам поставили подножку —
көрәш гадел түгел.	Нечестная была борьба ²⁵ .

(Подстр.перевод наш).

Общественная ситуация во всем земном шаре кажется поэту ареной борьбы, он призывает бороться — за свои права, за права других («Мир стоит» / «Тора дөнья»): Тик көрәштән тора бүген дөнья,

Көрәш кенә йөртә дөнья канын

Только из борьбы соткан сегодня мир,
Только борьба гоняет кровь бытия²⁶.

(Подстр.перевод наш).

Тема экологии, сохранения первозданности природы в гражданской лирике К.Сибгатуллина взаимосвязана с размышлениями о потере нравственности («О природа» / «И Табигать»). Состояние современного общества становится причиной экзистенции лирического героя в стихах «Время ждет» («Заман көтә»), «Особенно боюсь» («Бигрәк тә куркам»), «Родники текут» («Чишмәләр ага тора») и др. Поэт с горечью говорит о победе меркантильных интересов в жизни современного общества, об утере духовности.

Тема поэта и поэзии занимает одно из главных мест в гражданской лирике поэта. Для него поэзия — божественное вдохновение («Поэзия» / «Шигырь»), поэт — «чувственная душа» («Я узнаю людей» / «...Кешеләрнең барын танып йөрим»). Творчество воспринимается как возможность приобщения к гармонии и красоте Вселенной («Попробуйте подняться в небеса» / «Бер күкләргә менеп карагыз»).

²⁵ Сибгат К. Әйтте шагыйрь / К. Сибгат. — Казан: «Идел-Пресс» нәшр., 2002. — 211 б.

²⁶ Сибгатуллин. Таңнар, кичәләр: Шигырьләр һәм поэмалар / К. Сибгатуллин. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — 197–203 б.

Третий параграф «*Явление циклизации*» посвящен изучению лирических циклов в творчестве К.Сибгатуллина. Под лирическим циклом обычно подразумевается группа произведений, составленная и объединенная самим автором и представляющая собой художественное целое.

Циклы можно обнаружить в литературе на всех этапах ее развития.

В татарской литературе первые циклические образования возникли в средние века. Вобравшие в себя произведений разных жанров — хикаят, кыйсса, мадхия и др. — по тематическому принципу, «Кыйссасел-анбия» Рабгузи, «Гулистан бит-тюрки» Саифа Сараи и другие стали первыми авторскими циклами. В 30-е годы XX века наблюдается активизация циклов. Стихотворения М.Джалиля в цикле «Моабитские тетради» объединяет время и место написания. Чаще всего татарские поэты «связывают» произведения по теме («Воспоминания о Кармате» Х.Туфан) или формально («Короткие стихи» Р.Файзуллина).

Некоторые исследователи склонны рассматривать цикл как «новый жанр, стоящий где-то между тематической подборкой стихотворений и поэмой»²⁷. Художественная циклизация может применяться как способ выражения авторской художественной концепции мира, в то же время становиться способом организации читательского восприятия этой концепции.

В татарской поэзии распространен опыт тематической циклизации, особенно произведений о родном крае, о его истории. Так называемые «деревенские циклы», где наблюдается, прежде всего, эволюционирование лирического героя, характерны и для творчества К.Сибгатуллина. Они изначально задуманы как целое, например, одно из первых произведений — «Моя деревня» («Авылым», 1968) — названо «эскизами». Композиция цикла повторяет композицию поэм художника: думы лирического героя о родной деревне начинают и заканчивают цикл, а в середине приводятся воспоминания о былом, о прошедших днях «малой родины». В первом стихотворении (начало цикла) раскрываются переживания лирического героя, связанные с сегодняшним деревней: беспокойство о том, «не удаляемся ли духовно от корней»; бесконечная любовь (воссоздается параллель «деревня — мама»); утверждение о том, что «Все мы дети одной матери—деревни!»

С помощью ретроспекции второе стихотворение уводит читателя в военное лихолетье. Подчеркивается мысль о том, что в трудные времена деревня помогла человеку выжить.

Мысль о том, что деревня является кормильцем страны, выражена в различных временных ипостасях: «прежде — теперь». Взаимосвязь деревни и страны определена емко и очень точно с большой поэтической силой. И на этой плоскости выявляются недостатки в жизни страны. Автор уверен, что и страна должна поддерживать деревню.

²⁷ Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А.Блока / В.А.Сапогов // Язык и стиль художественного произведения.— М.:Наука, 1966.— С.90.

Четвертое стихотворение забрасывает лирического героя в будущее, где в его мечтах дороги заасфальтированы, бегут по сельским дорогам легковые машины, работают театры... Поэт приподнимает бытовое, достигая тем самым особого эффекта предельной достоверности.

Цикл выдержан в интонации доверительной беседы с читателем, где поэт не боится затронуть самые сложные общественные проблемы, находившиеся в центре всеобщего внимания. Именно циклизация позволяет К.Сибгатуллину соотнести прошлое с современностью, выявить через описание прошлого свое отношение к настоящему. То же самое наблюдается в других циклах поэта: «Деревенские мальчишки пасли лошадей» («Атлар кётте авыл малайлары», 1972), «Мужчины» («Ирләр», 1970) и др. В цикле «Деревенские мальчишки пасли лошадей» общий эпиграф выполняет организационную и коммуникативную функции. Ретроспективное описание детства героев приводит к заключению: лошади учили детей военных лет быть человечными.

Наиболее эмоциональные циклы поэта посвящены «малой родине». «Деревня, родник, речка...» («Авыл, чишмә, инеш...», 1986), при всей элегичности интонации, выражает внутреннюю убежденность лирического героя в том, что смысл жизни (поисками которого человек всю жизнь занимается) — на родной земле. Тот же мотив звучит в цикле «Та же дверь» («Шул бер ишек», 1985). Малая родина для поэта — малый уголок отчизны, который трогает, питает душу человека, там родившегося.

Многие циклы К.Сибгатуллина написаны как ответ на социальную потребность в новом осмыслении событий Великой Отечественной войны: «Снег хрустит» («Кар шыгырдый», 1975); «Семьдесят семь стариков» («Житмеш жиде карт», 1988) и др. В них воспоминания о военном лихолетье становятся не просто воспоминаниями, они определяют подход поэта ко всем событиям современности. Например, в цикле «Незамужние тети» («Иргә чыкмый калган апалар», 1972) раскрывается трагедия одиноких женщин, бабушек, потерявших своих любимых на фронте. Поэт воедино соединяет трагическую действительность с собственным ощущением, осмысленным полвека спустя. Для лирического героя цикла драматизм войны заключен в одиночестве «пятидесятилетних».

Темами циклов К. Сибгатуллина чаще всего становятся судьба поэта, поэзии (например, «Другу, ровеснику»); тема любви («Жены декабристов», 1985) и др. В последние годы его творчества усиливается критическое звучание циклов. Например, в цикле «Ленинский мемориал» (1990) звучит напряженное авторское раздумье о сложных социально-политических проблемах времен перестройки. Заострение своей позиции и остающиеся открытыми вопросы превращают бытовые картины в символическую панораму. Первый стих заканчивается риторическим вопросом: «Что останется в вечности от наших царей?». В поисках ответа во втором стихотворении поэт обращается к сегодняшнему (90-х гг. XX в.) состоянию Казани: тысячи людей всю жизнь ютятся без жилья, в городе мало гостиниц, памятников и т.п. При помощи очеловечивания города стихотворение приобретает открыто символический

характер: «Смотрит Казань из трущоб, глазами семидесятилетней старухи из окон, выровненных с землей», «Смотрит Казань убогими глазами, из дощатой лачуги в свалке», «Смотрит из дверей разрушенного дворца, смотрит глазами художника», «Смотрит глазами бедняка — Казань обветшала, Казань обветшала!». С помощью такого рефрена подчеркивается нищета города—страны. В ироническом ключе использована цитата из Тукая «Светозарная Казань! Задушевная Казань!». Нищий народ, полуразрушенные города становятся для Сибгатуллина мерилom, которым надо мерить истинность всякого дела государственного масштаба, всякое душевное побуждение «царей» советского и постсоветского времени. Этой мыслью завершается последнее стихотворение цикла.

Третья глава называется «**Лирико-эпические жанры в творческом наследии Кадыра Сибгатуллина**». В первом параграфе «*Лирические поэмы*» анализируются романтические поэмы К.Сибгатуллина. Поэма «Мечта» («Хыял») посвящена десятилетию города Набережные Челны, воспекает труд строителей города и завода. В рамках поэмы к этой теме первыми обратились Р.Мингалим и С.Хаким, и что примечательно, в произведениях образ мечты также стал одним из основных. Но смысловая нагрузка образа у К.Сибгатуллина иная.

Поэма открывается прологом, где автор восхваляет мечту человека как ценность, способную вывести людей на просторы Вселенной, зовущую в дальние дали, приводящую к любви, зажигающую звезды, заставляющую строить новые дома, города.

Эпиграф первой части устанавливает интертекстуальную связь с поэмой Ильдара Юзеева «Трое вышли на дорогу» («Өчәү чыктык ерак юлга», 1964–1965). Диалог текстов напоминает смысловую наполненность мотива дороги в татарском фольклоре и в поэме И.Юзеева. Архетипический мотив дороги К.Сибгатуллин накладывает на общественно-исторические события. Прием ретроспекции напоминает о первых шагах строительства города Набережные Челны. Дорога становится символом: дороги к городу; дороги в светлое будущее; выбора жизненного пути. Чувство восхищения синтезируется с чувством гордости, причиной его является факт строительства нового города.

Во второй части оппозиция прошлого и настоящего заканчивается восхищением процессами урбанизации. Как «дирижера» этих процессов, поэт восхваляет человека. Третья часть описывает начало строительства, те сложности, которые встречались в пути, игра со словом «камень» превращает его в символ: символ власти, системы, страны; символ человека нового времени; символ национального быта, традиций, устоев. Очеловеченный камень (город) становится певцом человеческого духа, человеческого величия.

В четвертой части уже в эпиграфе «наша страна» противопоставляется «чужой», слово «мир» становится ключевым. В этой части судьба города уподобляется судьбе общества, страны, основной становится мысль о том, что мир на земле зависит от политики нашей страны.

Пятая часть посвящена десятилетию города, здесь центральной становится мысль о том, что Челны — город татарской культуры.

Поэма завершается эпилогом, где нашли место раздумья автора о мечте как философской категории. Так образ мечты окольцовывает поэму, усиливая лирико-романтическое начало. Концептуальное осмысление связи человека и города, страны и мира ведет к укреплению художественной мысли и приобретению ею социального характера.

Во второй поэме «Огни» («Утлар», 1969-70) лирическое начало синтезируется философской глубиной взгляда на проблемы. Древнегреческий миф о Прометее, трагедия Хиросимы послужили стержневой основой произведения. Умелое использование поэтом символических образов представляют автора как мастера ассоциаций. Каждая часть поэмы презентует какую-то завершённую философскую идею, которая в конечном счете становится элементом в сложной мозаике концепции автора. Так, первая часть под названием «Человек ищет огонь» уводит лирического героя к первобытному обществу, что позволяет автору восклицать: цель человека с древнейших времен — поиск тепла и огня. Две линии: поиск огня древнего человека и поиск огня лирическим героем — рожают возможность двоякого прочтения. И Прометей, встречей с которым завершается глава, оценивается с разных точек зрения. Это противоречие развивается в главе «Спор с Прометеем»: доставая огонь, Прометей желает добра, но огонь приносит людям зло. Не найдя возможности разрешения дилеммы, Прометей решил забрать огонь у людей! Это решение становится предметом спора между лирическим героем и мифологическим персонажем.

В главе «Зажигается огонь» вслед за ищущим огонь автор констатирует, что есть огонь жизни и огонь смерти. Как идея всей поэмы, звучат слова ищущего:

Кабызасы иде бу Жирдә
якты утлар,
тормыш утларын²⁸.

Зажечь бы на этой Земле
Яркий свет,
Огонь жизни.

(Подстр.перевод наш).

В поэме «огонь» как тепло, смысл жизни, надежда противопоставляется одиночеству. Автор каждого человека уподобляет Прометею: каждый может подарить другим людям, человечеству «огонь». Разделение «огня» на «огонь жизни» и «огонь смерти» является символическим. «Огонь может принести смерть, а может и дать жизнь: все зависит от человека» — эта идея становится центральной. Прием диалога, стилизация под древнегреческий хор, частая смена стихотворных размеров придают поэме своеобразное величественное звучание.

Поэма «Разговор с Туфаном» («Туфан белән сөйләшү», 1985-1986) — романтическое произведение, посвященное великому татарскому поэту

²⁸ Сибгатуллин К.Таңнар, кичэләр: Шигырьләр һәм поэмалар./ К.Сибгатуллин. – Казан: Татар.кит.нәшр., 1989 – 94 б.

Х.Туфану. Это поэма–размышление о предназначении человека на земле, о роли искусства, о судьбе поэта и родины. Она начинается с риторического обращения к народу, где выражена цель написания поэмы: призыв жить, как Туфан, праведником. Каждую главу начинает эпиграф из стихов Туфана. Первая глава представляет собой стилизацию под стихотворение «Мокамай» Ы.Такташа. Здесь Х.Туфан называется продолжателем традиций Такташа, нашли место биографические моменты из жизни поэта. Прием цитаций — использование цитат из писем Х.Туфана служит воссозданию образа поэта, где выделены несколько характерных черт: доброта; объективность; умение радоваться успехам молодых. Эта глава в основном ведет разговор о творчестве вообще, о силе искусства. Во второй главе доминируют биографические моменты. В третьей описывается возвращение поэта из ссылки и судьба поэта олицетворяется с судьбой народа. В четвертой главе чувствуется интертекстуальная связь с творчеством Такташа. Здесь разговор с Туфаном ведется о демократических переменах в обществе, о перестройке.

Герой поэмы представлен в амплуа сказочного героя, мифического сына народа. Лейтмотивом проходит боготворение Туфана, автор представляет его образцом человечности, истинным творцом и наставником. Авторский голос постоянно присутствует в поэме, напрямую высказывая свои мысли и переживания, оценивая весь окружающий мир: именно этот прием позволяет вести разговор с читателем о судьбе поэта и поэзии, о высокой миссии поэта, о негативных явлениях современности, о демократических преобразованиях и непреходящих ценностях, о человечности и о многом другом.

Третий параграф под названием «*Поэтика эпических поэм*» посвящена анализу поэм Сибгатуллина, где присутствует сюжет и причиной переживаний рассказчика является именно события, необычные, новеллического характера.

Романтическая поэма «Уел» (1980-1983) проникнута сентиментальным пафосом. Уже эпиграф, взятый из стихотворения Г.Тукая «Национальные мелодии» («Милли моңнар»), настраивает на элегический лад. Мотив печали (моң) является тем ключом, который обеспечивает лиризм, задушевность поэмы. В первой главе, являющейся прологом в сложной конструкции поэмы, автор утверждает, что творческому сознанию народа присуща грусть; эта печаль идет издалека, связана с историей народа; грусть делает человека отважным. Рассказчик считает себя представителем народа, человеком печальным; «быть представителем нации — возможность преодоления одиночества», такая философия становится лейтмотивом произведения.

Со второй главы разворачивается незамысловатый сюжет: диктор по радио объявляет о передаче старинной песни, и Джамал–эби рассказывает ее историю. 100 лет назад дед Уел сочинил эту песню, и она является историей судьбы народной. Поэма синтезирует фольклорную и литературную традиции, что проявляется в включении элементов народных песен, приемы цитации и стилизации усиливают драматизм содержания.

Третья глава ретроспективно уводит читателя в XIX век, когда Уел пел о горестях и радостях своих односельчан. Песня деда Уел рассказывает о

классовом противостоянии, что подтверждается в дальнейших событиях: горит дом богача, Закир в поджоге подозревает Уел бабая и приказывает бросить его в огонь, затем, изменив решение, требует, чтобы Уел сочинил хвалебную песню о нем. Такая песня не рождается, и Закир бросает саз — музыкальный инструмент Уела — в огонь, за ним бросается в огонь и сам Уел. Так раскрывается причина сохранения народной песни, народной печали: люди ценой своих жизней спасали эту мелодию, констатирует автор. Поэтому песня — бесценна!

Пятая глава по сути является эпилогом данного события. Здесь на первом плане мысль о том, что судьба певца и судьба песни являются судьбой народа. Поэма заканчивается призывом сохранить национальные песни, мелодии, «моң».

Сказочный мотив «потери–поиска–обретения» пронизывает поэму насквозь. Идея о том, что народную песню сохраняют те, кто понимает ее важность, выводится из событийной основы. Но формула «потери–поиска–обретения» относительно рассказчика имеет иной смысл: «почему татарские песни такие грустные?» спрашивает он, и в поисках ответа обращается к истории песни Уел. Эти поиски приводят его к истине: за судьбу песни, родины, народа ответственен певец, поэт! Так рассказчик становится духовным преемником Уел. Он вдруг понимает, что поэт должен петь о судьбе народа, о горестях родины. Так поэма становится произведением, рассказывающим о судьбе народа и поэта.

Далее анализируются поэмы К.Сибгатуллина «Невестка Зифа» («Зифа килен», 1987) и «Душа березы» («Каен жаны», 1985), определяются поэтические особенности этих произведений. Жанр последнего произведения определена автором как «хикэят», поэма состоит из двух мифологических событий. Мифологические персонажи: превращенные в березу дети, Алып бабай, сказочные элементы служат выражению основной мысли об экологии. Наблюдается стилизация под байты и народные песни. Глубоко выявлена нравственная позиция самого автора.

Четвертый параграф под названием «*Трансформация жанра баллады*» посвящен анализу баллад К.Сибгатуллина. Балладу «Дед, метаящий стог» («Кибэнче карт», 1973) отмечают многие критики, в центре произведения — бытовая ситуация. Сельские труженики ставят скирду, к ним приходит дед, который всю жизнь занимался этим делом. Закончив работу, старик умирает. Сюжет окольцовывает балладу, а основную часть составляет монолог деда. Он вспоминает всю свою жизнь, и на фоне воспоминаний подчеркиваются две мысли: продолжение дел отцов и дедов — счастье для человека; каждый человек сам «ставит свой стог» — свою жизнь. Так определяются две идеи, одна из которых имеет социальный, другой — философский характер. Автор обогащает балладу разными мотивами: «күккә ашу» — вознестись в небо, значит, увидеть плоды своего труда; и «күккә ашу» — быть в гармонии с самим собой и с окружающим миром и т.д. Параллелизмы типа «кибэн өю — бэхет

ею — өмет өю» (ставить стог — строить счастье — возродить надежду) усиливают силу воздействия баллады.

В произведении присутствуют два конфликта: образующий сюжет противостояние труда и смерти, где любовь к труду побеждает смерть; и внутренний конфликт героя, возникающий из понимания конечности человеческой жизни.

Таким образом, в произведении прослеживаются все жанровые признаки традиционных баллад. В одной стороне конфликта — мистическая сила, смерть, но победа труда над смертью обеспечивает актуальное звучание баллады.

Анализируются также баллады К.Сибгатуллина традиционного плана «Последний лапотник» («Соңгы чабатачы», 1979), «Инвалиды» («Инвалидлар», 1979) и «Конь южной стороны» («Көн як аты», 1985). В творчестве поэта имеются и баллады так называемого условно-ассоциативного типа. Так, «Смотрю из земли...» («Карап торам жирдән...», 1986), с одной стороны, продолжает традиции жанра, где основной конфликт возникает между смертью и стихом. Но на этом фоне выделяются многие законы бытия, получается философская баллада, констатирующая, что «жизнь — это философствование».

На рубеже 1980–90-х баллады К.Сибгатуллина в тематическом аспекте меняются. Автор все чаще обращается к экологическим проблемам, они синтезируются с критикой социального характера. Сохранив балладную ситуацию, автор придает повествованию реалистическую мотивировку. Так, в балладе «Двадцать два озера» («Егерме ике күл», 1990) основным конфликтом определяется противостояние общества и природы. В разрушении природной гармонии и страны автор напрямую обвиняет общество, советскую идеологию. Баллада поднимает многие острые проблемы, касающиеся экологии, нравственной атмосферы, политики.

Данная тематика развивается в других балладах. Так, в балладе «Если подумаешь...» («Уйлап баксаң...», 1991) автор обвиняет общество в том, что человек «за миллионы лет» не смог стать Человеком — человечным! В балладах 90-х гг. появляются сатирические и иронические нотки. Они особенно ярко выделяются в стихотворении «Наши сказки» («Безнең әкиятләре», 1987), где идеологические лозунги советской эпохи называются сказками, в стихотворении «Обман» («Ялган», 1991) поэт определяет и советскую, и постсоветскую (горбачевскую) идеологию обманом. Этот мотив становится темой условно-фантастической баллады К.Сибгатуллина «Последний шаман» («Соңгы шаман», 1992), где ярко проявились и признаки жанра басни. В основе баллады лежит экзотический сюжет: народ болен, шаман обещает всех вылечить, но сам умирает. Появляются второй, третий, четвертый шаман, каждый из них «привносит» новые болезни. Аллегорический образ шамана указывает на партийных руководителей, этимология слова ассоциируется с первобытностью, язычеством: это звучит как оценка состояния общества. Авторская идея состоит из нескольких частей: страна больна; обещание коммунизма — сказки; руководители страны живут для себя и ради

себя. Но при этом основной конфликт оформляется как балладная ситуация: борьба народа с темной силой.

Четвертая глава посвящена особенностям образности, называется **«Система образов и стиль поэзии К.Сибгатуллина»**. Первый параграф — *«Стилевые особенности творчества поэта»* рассказывает о том, что неповторимый стиль К.Сибгатуллина возникает при помощи сложных взаимодействий различных элементов. Есть у поэта любимые приемы письма. К.Сибгатуллин стремится к завершенности образа и мысли, не увлекается «разрывом», недосказанностью. Излюбленный прием поэта — создание в начале произведения целой картины, ставшей причиной рождения стиха. В его поэзии наблюдается скачок интонации, методики. Спокойный тон, начинающий стихотворение, вдруг, «наткнувшись» на ключевое слово или символ, резко меняется, растет напряженность. Стихотворение завершается на возвышенной ноте, на самой высокой точке напряженности. Иногда с этой же целью поэт использует прием «ступеньчатого письма».

Второй параграф — *«Изображение образа человека»* — начинается с обзора мнений критиков о лирическом герое поэта. Субъективный образ в творчестве Сибгатуллина в основном выступает в амплуа лирического «я», а не лирического героя со своим характером и ярко выраженной автобиографией. Этому есть несколько причин.

1. В стихах, особенно в философской, гражданской лирике поэта лирическое «я» выступает как представитель определенных слоев (прежде всего он — «деревенский парень») или человечества вообще. В таких случаях находит свое выражение диалогичность мышления в рамках единого личного сознания. Зачастую автор обращается к приему риторических вопросов. Примером такого текста является стихотворение «Не берет человек» («Алмый кеше»): «я» хочет поделиться со своей радостью. На этом фоне автор выделяет несколько философских обобщений, и они воспринимаются не открытием отдельной личности, а мыслями, присущими многим.

2. В лирических стихах поэт зачастую на первый план выдвигает героя ролевой лирики, и он становится объектом изображения, «закрывая» собой лирического «я». Примеры такого текста — «Хороший человек» («Игелекле бәндә», 1992), «Рождается ли злым?» («Явыз булып туа микән?») и др.

3. В монологически завершенных, основанных на субъективных чувствах–переживаниях стихах характер лирического «я» свернут. Стихотворения представляют собой лирический монолог, в котором находит свое выражение одна смысловая позиция — лирического субъекта. Но сам субъект остается «нейтральным» в отношении к изображенному. Возникает ощущение «незавершенности» стиха. Этой модели соответствуют такие тексты, как «Почему–то в душе беспокойно...» («Әллә нигә күңел кыбырсына...», 1985), «Не хватит сил...» («...Көче житеп бетмәс», 1991) и др.

Зачастую в стихах применяется риторическое обращение лирического субъекта, возникает ощущение, что высказывание строится от лица лирического «я», но в общем контексте творчества поэта возникает форма

лирического «мы». Этот тип можно показать на примере стихотворения «Два слова» («Ике сүз», 1970). В нем на протяжении медитации происходит расширение субъекта: «я» — «мы» («я» как представитель детей военного времени)—«я» как человек.

Другим приемом является достижение взаимозаменяемости «я» и героя ролевой лирики — «ты». В качестве примера проанализировано стихотворение «Скажи-ка» («Әйт әле»).

Среди героев ролевой лирики, выделяются духовно близкие лирическому «я» герои («Лапти в переднем углу»/«Түрдәге чабата», 1989); старики («Дом престарелых. Сентябрь»/«Картлар йорты. Сентябрь», 1990); представители необычных профессий («Астроном—самоучка»/«Һәвәскәр астроном», 1990); сказочник («Сказочник»/«Әкиятче», 1977) и др.

В третьем параграфе *«Мир художественной образности»* прослеживаются доминирующие в творчестве К.Сибгатуллина изобразительно-выразительные средства.

Наиболее часто употребляемым средством является аллегория. Самыми активными в творчестве К.Сибгатуллина выступают деревья, означая и сильных духом, и слабых, и стареющих людей. Так, стихотворение «Дуб» («Имән», 1963) в смысловом аспекте напоминает одноименное произведение М.Джалиля. Но ситуация, описанная в стихе, совсем иная: дуб — сильный и смелый, твердый человек — во время бури устоял; упал после бури. Лирический герой гордится этим.

Дуб присутствует во многих стихах поэта. Иногда автор использует его в прямом значении, но и в этих случаях образ приобретает трагическую семантику в общем контексте творчества поэта: «Дубы еще ждут» («Имәннәр әле көтә», 1969), «Кривая сосна» («Кәкре нарат», 1988).

Иногда деревья участвуют в создании парного параллелизма. Так, в стихотворении «На старом берегу» («Иске ярда», 1969) река—осины (елга—усаклар) предстают перед читателем в значении жизни—людей. Стихотворная ситуация рисует следующую картину: река вышла из берегов, осины падают. Как философское обобщение, выражается мысль: когда жизнь безумствует, человеку грозит опасность!

В любовной лирике поэта ивы очень часто символизируют любимую женщину («Своим бессилием...»/«Көчсезлеген белән...», 1985). Как нетрадиционное для татарской литературы можно отметить использование обобщенного образа леса в значении человеческой жизни («Лес»/«Урман», 1978), в стихотворении «Окна кривого дома» («Кыйшык йорт тәрәзәсе», 1971) в таком же амплуа применяется образ старого дома.

Аллегорическая образность наиболее репрезентативна в философской лирике. Прекрасным образцом такого текста является «Рожь, растущая вдоль дороги» («Юлда үскән арыш», 1973). В стихотворении проводится аналогия ржи—человека, через нее определяется основная мысль: в жизни человека есть место горестям и радостям, играм и тяжестям.

В творчестве К.Сибгатуллина встречаются необычные аллегорические образы. Так, в стихотворении «Смерть голубя» («Күгәрчен үлеме», 1983) традиционное представление о голубе как о знаке мира, о духовном начале парадоксальным образом «перевернуто»: голубь означает страстного человека, бунтаря. Смерть голубя, разбившегося об окно — стихотворная ситуация — рождает в душе лирического героя глубокие чувства. Или туча в одноименном стихотворении «Туча» («Болыт», 1985) — указывает на заносчивого человека.

В татарской поэзии часто встречается образ горы как значимого человека. В стихотворении «Около одной горы» («Бер тау янында», 1989) поэт создает образ великого, но холодного и беспощадного человека, описывая плач горы, выводит идею о том, что жестокость делает самого человека одиноким и несчастным. В статусе сильного и смелого используется лошадь, в творчестве Сибгатуллина она становится идеалом автора «Порывистая лошадь» («Ашкын ат», 1987).

Также часто в стихотворениях появляется другая форма образности — знак (или эмблема), эта форма участвует в формировании идеи произведения. Так, во многих стихах поэта платок традиционно участвует как знак разлуки («Помахала платком»)/«Яулык болгаулары» (1973), а в некоторых стихах знаком разлуки становится пристань («Проводы»)/«Озату», 1972; «Пристани»/«Пристаньнар», 1986).

Во многих произведениях образы природы также применяются в статусе знака. Так, в «Лесе» («Карурман», 1977) лес — знак бытия, в «Текут реки» («Агым сулар ага», 1988) берега — знак бытия, вода — человеческой жизни, в стихотворении «Игра» («Уен», 1984) игра — знак жизни, осень — знак старения («Осень приходит, оказывается»)/«Көзләр житәләр икән ул», 1983), папоротник — знак мечты («Цветок папоротника»)/«Абага чәчәге», 1988) и т.д. Нетрадиционными для татарской поэзии знаками являются ягода как знак материнской любви («Весть»)/«Хәбәр», 1983), песня как знак памяти («Старинная песня»)/«Борынгы жыр», 1984) и др.

Другая форма образности — психологический параллелизм также рассматривается на материале анализа ряда стихов поэта. Так, параллелизм «река—человеческая душа» в стихотворениях «Буря» («Давыл», 1972), «После бури» («Давылдан соң», 1973), «Черное море» («Кара дингез», 1973) и др.

В заключении подводятся итоги исследования. В процессе работы диссертант пришел к следующим выводам:

1. Творчество К.Сибгатуллина представляет собой значительное явление в татарской поэзии второй половины XX века, по целому ряду причин не прочитанное и не изученное во всей полноте. Художественное мышление поэта в целом можно охарактеризовать как социально-философское. Он внес большой вклад в развитие татарской поэзии в рамках традиционной формы, в становление жанровых признаков баллад, стихотворных циклов, лирических и эпических поэм.

2. К.Сибгатуллин создает целостную лирико–философскую систему, охватывающую собой его поэтическое творчество. Его философскую лирику можно разделить на два этапа. В начале творчества поэта преобладало нравственно–философское направление, где духовная жизнь человека рассматривалась как часть общего миропорядка. В стихах поэт заострял проблему нравственной ответственности каждого за настоящее и будущее человечества. В последние годы жизни в его творчестве усиливаются социальные нотки, его произведения становятся «социально–философскими». В центре критического взгляда Сибгатуллина — закон социума, состоящий в абсолютизации материального, отчуждении общества от духовных начал.

3. В творчестве К.Сибгатуллина преобладают «замкнутые» циклы, где пронизанные идеей целого и воссоздающие динамический образ этого целого стихотворения позволяют интегрировать глубокие социальные, философские умозаключения. Лирические циклы поэта эволюционируют от деревенской тематики в сторону социально–философского характера.

4. Лирическим поэмам К.Сибгатуллина характерны особая философская насыщенность, ассоциативность художественного мышления. У поэта имеются свои композиционные приемы: лирико–романтический пролог и эпилог окольцовывают произведение; эпиграфы устанавливают интертекстуальную связь с произведениями других татарских поэтов; в эпиграфах выражаются основные постулаты автора. Зачастую автор обращается к фольклорным мотивам и символике.

5. В эпических поэмах К.Сибгатуллин чаще обращается к мифологическим мотивам и образам, приемам стилизации под народные песни и баиты, дастаны, вместе с тем в поэмном повествовании углубляются социальные мотивы, рациональное преобладает над чувственным. Активное участие рассказчика в сюжетном действии, которое обретает функции нравственного судьи, выработка индивидуального стиля являются характерными особенностями поэм.

6. В творчестве К.Сибгатуллина происходит трансформация татарской традиционной баллады. В 1970–80 гг. он выбирает для своих баллад бытовые, обыкновенные ситуации, и на этом фоне создает героических, сильных духом героев, делает философские обобщения. В 90 е гг. в рамках жанра баллады на первый план выходит общественно–политическая критика. Сохранив балладную ситуацию (борьба народа с темной силой), поэт углубил смысл балладного диалога, обогатил жанровыми признаками басни. Такие же изменения имеют место и в творчестве Зульфата.

7. В произведениях К.Сибгатуллина традиционная схема субъектной организации нарушается, основной формой выступает лирическое «я», определяющееся активностью оценочной точки зрения. Лирическое «я», героини лирики, лирическое «мы» вступают во взаимодействие, авторское сознание в основном соответствует коллективному. Хотя субъект изображен в психологической конкретности, его переживания даны в общечеловеческом выражении.

8. К.Сибгатуллин творчески перерабатывает и развивает традиционную образность, органично связав ее с задачей раскрытия идеи произведения. В поэзии широко представлены такие формы, как аллегория, знак и психологические параллелизмы.

9. Жанровая система поэзии К.Сибгатуллина складывается из совокупности лирических и лиро–эпических произведений. Именно в области лиро–эпических жанров поэт показал себя новатором, участвуя в становлении и изменении жанровых признаков баллад, лирических циклов, лирических и эпических поэм.

10. Поэтический феномен К.Сибгатуллина сложился в рамках традиционного татарского стихосложения именно в то время, когда основные представители «шестидесятников» увлекались экспериментами в области формы. Мировоззренческие и художественные особенности произведений поэта с учетом хронологического принципа позволяют считать его творчество логически необходимым связующим звеном между «шестидесятниками» и ориентированными на возрождение традиций татарского стиха поэтами 1980 х гг.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1.Сафин Ф.М. Художественная циклизация в творчестве К.Сибгатуллина / Ф.М.Сафин // Вестник КГАВМ. – Казань, 2006.— Т.187.— С.559–565.

В различных научных сборниках и журналах:

2.Сафин Ф.М. Кадыйр Сибгатуллин (тормыш юлы һәм ижаты) (Кадыйр Сибгатуллин: жизнь и творчество) / Ф.М.Сафин // Фән һәм мәктәп. (Наука и школа)— 1997. – № 8. – 85–87 бб.

3.Сафин Ф.М. Кече Укмаска сәяхәт (Путешествие в Малые Укмасы) / Ф.М.Сафин // Казан утлары. – 1999. – № 11. – 140–148 бб.

4.Сафин Ф.М. Көн дә тумый шагыйрь... (Не каждый день рождается поэт) / Ф.М.Сафин // Сибгатуллин К. Әйтте шагыйрь. – Казан: «Идел–Пресс» нәшр., 2002. – 5–10 бб.

5.Сафин Ф.М. Илаһи шигърият һәм тормыш кырыслыгы (Божественная поэзия и суровость жизни) / Ф.М.Сафин // Мәйдан. – 2002. - №2. – 8–11 бб.

6.Сафин Ф.М. Васыятькә тугрылык (Верность завещанию) / Ф.М.Сафин // Мәйдан. – 2002. - №2. - 52-55 бб.

7.Сафин Ф.М. Шагыйрь ижатының эстетик нигезләре (Эстетические основы творчества поэта) / Ф.М.Сафин // Мәгариф. – 2002. - № 2. - 8-11 бб.

8.Сафин Ф.М. Бер рецензия тарихы (История одной рецензии) / Ф.М.Сафин // Мәйдан. – 2004. - №6. – 97–99 бб.

9.Сафин Ф.М. Слово о поэте / Ф.М.Сафин // Сибгатуллин К. Осенняя весна: стихи. – Казань: Тат. газ.–журн.изд–во, 1999. – С. 12-13.

